

Рабинович В.Л. Роджер Бэкон. Видение о чудодее, который наживал опыт, а проживал судьбу. СПб.: Алетейя, 2014. – 222 с. с илл.

Это – посмертно вышедшая книга поэта, философа-медиевиста, культуролога Вадима Львовича Рабиновича (20 февраля 1935 – 18 сентября 2013). К трудам и личности Роджера Бэкона он подступался давно, едва ли не с 80-х годов XX в., поскольку его привлекали и его бунтарство, и одиночество, и то, что почти ничего, кроме книг, о нем неизвестно, и прозвище – *Doctor mirabilis*, Доктор, достойный удивления.

В книге важным аспектом рассмотрения является двойца: созерцательная эмпирия и схоластическая логистика, «созерцательный чувственный опыт оксфордцев, с одной стороны, и рассудочная бесплотная схоластика – с другой» (с.114). Это, на его взгляд, схоже с образом созерцающего крота, в связи с чем он приводит притчу. «Как-то раз во дворе Парижского университета у “ангелического доктора” Фомы Аквинского и “универсального доктора” Альберта Великого вышел спор о том, есть ли у крота глаза. Несколько часов длился этот словесный турнир – и все безрезультатно. Каждый стоял на своем, истово и непоколебимо. Но тут случился садовник, нечаянно подслушавший этот ученый диспут, и возьми да и предложи свои услуги. “Хотите, - говорит он, - я вам сей же миг принесу настоящего живого крота. Вы посмотрите сами на живого настоящего крота. На том и разрешится ваш спор”. “Ни в коем случае. Никогда! Мы ведь спорим в принципе: есть ли в принципе у принципиального крота принципиальные глаза...”» (там же).

Книга, и это очевидно, навеяна и литературой, и спорами, и позициями Восьмидесятых. Я даже не рискнула бы ее рекомендовать в качестве основополагающей по философии Средневековья. Все сказанное уже как-то разжевано и известно и из книг Ж. Легофа, А.Я.Гуревича, С.С.Аверинцева, а в первую голову – В.С.Библера, преданным почитателем которого Рабинович оставался всю жизнь. Книга в общем-то и не претендует на научную. В ней нет ссылок. В ней много неточного. Так, термин *disciplina* не синоним *scientia*, а выражение *Dominus quae pars* не значит, что «Бог» (хотя сказано «Господь») – часть речи». Откуда взялся такой перевод, не ясно: ниже дело касается соотношения части и целого. «Господь не часть! – говорится в цитате. – Но Он – целое, *totum*». Неясно, откуда взялось, что понимание для Средневековья – дело десятое. Как быть в таком случае с Августином, прямо поставившим эту проблему.

Но – я бы все-таки рекомендовала эту книгу для чтения. Прежде всего потому, что Рабинович ухватил главную тенденцию Средневековья – стремление к поэтической речи. Его книга, как «Утешение философией» Боэция или «Новая жизнь» Данте, - чередование поэтической прозы и чистой поэзии. Прекрасной поэзии. К тому же хорошо расписан поход к высотам знания: сначала получаешь степень бакалавра Библии, потом – бакалавра сентенции, следом – полного бакалавра. Подчеркнута антитетичность Средневековья. Расписаны обряды школяров. И хотя это есть в старых книгах, например, в книге Н.Суворова «Средневековые университеты» (М., 1898), это стоило напомнить, поскольку это давно забыто. Даны алхимические рецепты и определения алхимии!

«Алхимия есть наука о том, как приготовить некий состав, или эликсир, который, если его прибавить к металлам неблагородным, превратит их в совершенные металлы» (с. 118). Заявление, достойное удивления (*doctor-to mirabilis!*), если учесть отрицательное отношение официальной христианской идеологии к самой идее смешения. Долгое время бились над тем, как объяснить двойственную природу Богочеловека, сколько споров было по поводу *communicatio idiomata*, сообщаемости свойств! И все же речь шла о том, как низшее преобразить в высшее, ибо

совершенство считалась единственным путем к спасению. «Алхимия есть непреложная наука, работающая над телами с помощью теории и опыта и стремящаяся путем естественных соединений превращать низшие из них в более высокие и более драгоценные видоизменения» (там же). «Это наука о том, как возникли вещи из элементов, и о всех неодушевленных вещах» (там же). «Алхимия есть искусство, придуманное алхимиками» (с.119). Ее действия подражательны. «Они – подражание природе, которая «стремится достичь совершенства, то есть золота» (с.121). Если сравнить действия средневековых алхимиков с современными экспериментами с ртутью, то они во многом оказались правы, в том числе и в том, что это – слишком дорогостоящий эксперимент. Описания того, как надо готовить печи, сосуды, элементы для смешивания, - сочны и подробны.

Я не могу сказать, что идея «еретического послушничества», занятая «реставрацией первичного образца» (аннотация) получила наибольшее выражение в книге, тем более что и эксперимент не похож на современное понимание опытной науки как контролирующего эксперимента, скорее – на экспертизу правильных действий ума, но здесь слышен живой голос Вадима Львовича, слегка ерничающего, слегка шутиwego, слегка витиеватого, но всегда преданного любимым образам, поэзии и друзьям.

Павловский Глеб. 1993. Элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером. М.: Изд-во «Европа», 2014. – 364 с.

Прежде всего – это великий труд: перевести в письменный текст наговоренное на кассету, отредактировать так, чтобы осталось живое слышание голоса и сохранился ритм живой беседы, - уважение и почтение ученика к учителю тем самым очевидны. Как очевидно и другое: мысль Гефтера, историка-аутсайдера, в 1993 г. ставшего членом Президентского совета, и мысль Павловского, вроде бы движущегося в унисон первому, - параллельные мысли. Но неуловимое что-то объединяло учителя и ученика, заставляя последнего вслушиваться, внимательно вслушиваться в мысли первого. Отвечая? Не всегда. Но всегда это вслушивание слышится.

Стилистическая манера Михаила Яковлевича обескураживала многих. Мы работали вместе над материалом, подготовленным для газеты «Советская культура», посвященным Н.И.Бухарину. У меня не было пиетета к нему как к философу, но было внимательное отношение как к политическому деятелю, активному, был директором Института истории естествознания и техники, поднимавшему крестьянство, писавшему и прочитавшему во Франции доклад о культуре. Я собственно была первым переводчиком этого доклада, но, поскольку почему-то забыла перевести эпиграф, через несколько лет заново перевела этот доклад его дочь С.Н.Гурвич – мы были коллегами по Институту сначала истории АН СССР, а затем всеобщей истории. Доклад мне показался банальным. Но Гефтер сказал, что там впервые фашизм как впадающий в акультурное состояние противопоставлен социализму, который устами Бухарина становился проповедником культуры. Я пожимала плечами: какой культуры? Была разогнана Школа Гревса, арестован А.А.Майер, сослан М.М.Бахтин... И все же. Это «все же» было за семью печатями, с огромным многоточием. (Я потом и с А.П.Огурцовым не согласилась по поводу его философии. Но Огурцов в то время каждого репрессированного и не реабилитированного высоко поднимал, и это совершенно правильно). К тому же Михаил Яковлевич в ту пору познакомился с Анной Михайловной Лариной, а она оказалась родной тетей приемной дочери моей свекрови (она ее так называла, потому что Марианна Владимировна Милютинна когда-то была или считалась невестой ее погибшего сына), так что альянс состоялся. Я помню, что редактор статьи Гефтера назвала его стиль «очаровательным», и я не спорила, хотя мне

казалось, что такое определение вряд ли подходяще для историко-политической статьи. Мне показалось неверным и последующее сравнение воспоминаний Анны Михайловны с воспоминаниями княгини Марии Волконской, а Гефтер увлекался всем, что касалось Пушкина, но я ограничилась констатацией своего отношения, с чем он в общем-то согласился, но развивать тему не стал.

В кружке В.С.Библера, оппонента Гефтера, его однокурсника, мне иногда устраивали проверку. «Ты читала статью в “Известиях”?» - «Читала» - «Понравилась?» - «Да» - «Тогда перескажи». И я, только что даже план ее в голове державшая, немела. Я не могла ничего внятно сказать. «Вот так, - смеивался Библер, - и мы тоже».

Я вспомнила это не для того, чтобы дезавуировать мысли Михаила Яковлевича. Я сказала это для того, чтобы вскрыть ситуацию, при которой выражать мысли было трудно. Почти не находилось слов для описания советской действительности. То, что выдавливалось, уже было не то и не тем. А Михаил Яковлевич думал глубоко, и из-под глыб иногда вырывалось стилистически несуразное, ибо в центре его сомнений была «родовая травматология человечества в его русском изводе» (с. 22).

Это, видимо, помимо горя утраты, чувствовал и Павловский, когда писал: «Два десятилетия я не трогал этих кассет. За это время некоторые погибли, их содержание не восстановить. Разговоры отделились от поводов, которые я забыл, после похорон Михаила Яковлевича Гефтера в феврале 1995 года надолго уйдя в другую жизнь» (там же). В том и вопрос – почему ушел? У меня лично нет уверенности, что Гефтер мыслил историю как политику (эта мысль «безотказно срабатывала» в голове его собеседника), потому что он сопрягал ее с поэзией и Посланиями апостола Павла, и это одно опровергало подобную мысль.

Я пишу сейчас всего лишь «коротко о книге» - не рецензию, но и при необходимости краткости хотелось бы заинтриговать читателя стилистическими и содержательными мыслями собеседников. Кажется весьма современной мысль Гефтера: «... *государства Россия нет*. Дело не в том, что оно было тоталитарным, а сейчас оно полугосударство – это вообще не государство. Его нет, поскольку нет границ, для власти очерченных, куда ей идти нельзя» (с.30). Но вот, с чего начинается это рассуждение: «У меня нет мании величия, но готов сказать вслух человеку, даже если тот Президент России: будем откровенны, это мы, советские, задавали миру тон» (там же). Слышится Е.Л.Шварц из «Обыкновенного чуда»: «Вы вовсе не величайший из королей, а просто выдающийся». Из комического пассажа может ли вырасти нечто абсолютно серьезное и актуальное или, если может, способно ли оно быть понято? Этот стилистический оксюморон действительно может быть признан «очаровательным», но – может и не быть воспринят всерьез и опущен, что нелепо, ибо здесь дышит «почва и судьба»...

Коробит выражение: «Сегодня беда в том, что мир становится безобразно открытым», как бы ни исправляло положение сдвинутое ударение – с безобразного на безобразное. Часто запоминается то, что ближе к поверхности, чем к глубине. Так вот запомнилось «Россия – не Европа». Но это лишь означает – нужно научиться не только читать, но и слушать-слышать-вслушиваться. Даже если это – не слишком твое. Это ведет к опознаванию своих и себя. Ибо

Совершенно актуальны нынче и определение «движущего момента российского социума власти – он не признает *никакого предела*, пусть нарушаемого» (с.320), «монолог о фашизме», и предвестие о том, что «третьего тысячелетия не будет». Несколько цитат:

«Фашизм – это *не* нечто внешнее... фашизм сопоставлен внутренней проблеме человека, утвержденной от рождения *Homo sapiens*. Эта внутренняя проблема человека в нем оживает и разрастается» (с.321).

«... суть проблемы... в том, что, когда появляется и входит в жизнь это явление, которое мы хотим устранить, все слова непостижимым образом прямо или незримо становятся синонимами *убийства*» (там же).

«В фашизме есть нечто *опережающее* разум. Человек в той же степени взращен убийством, как он взращен пробудившимся разумом» (там же).

«...фашизм – это антропологизм изначального убийства» (с. 323).

Нужен анализ не в дайджестах. Павловский ведет этот анализ с помощью вопросов. Утраченный контроль человека над убийством – еще не делает всего человека как *Homo sapiens* фашистом. Это не метафизика, а мистика ужаса. Я не приемлю мысли о «проблеме показанности убийств для человека» (с.336). Становится или смешно, или неясно (см. начало), невозможность теоретически осмыслить, ибо постоянно подобные утверждения сменяются антиутверждениями и столь же назывными, не доказываемыми. Но надо прочитать от начала.

Орлов Е.В. Аристотель о началах человеческого разумения / Отв. ред. В.П.Горан. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 303 с.

Как аннотирует автор, «в монографии предпринята попытка системного анализа эпистемологии Аристотеля, т.е. его учения о достоверном научном знании». В основном речь идет о «Второй аналитике» Аристотеля с привлечением «Метафизики» и биологических трактатов. Книга, помимо Предисловия и Заключения, посвященного «Аристотелевскому решению апории Менона, состоит из четырех разделов: Эстетика, Эссенциализм, Аналитика: обретение универсального знания и Аналитика: применение универсального знания. Как и в прежних книгах Е.В.Орлова, поражает его исключительное внимание к анализу текстов Аристотеля, скрупулезное исследование понятий, обращение к обширной исследовательской литературе. Так, размышляя «о познании каких начал идет речь в *An. Post.* II 19», Орлов, анализируя позиции Дж.Барнса и Д.Хамлина и Т.Энгберг-Педерсена, считающих, что «узнающий уклад души есть ум» (с. 47), с собственными изысканиями, приходит к выводу, что у Аристотеля «начала становятся известными благодаря индукции», а «узнающий уклад души есть опыт» (с. 41). Речь в разделе «Эстетика» идет «о познании предшествующего для нас и предшествующего по природе, об эмпирическом познании, что *есть*, и умопостижении соответствующей сути бытия, т.е. об эстетике... и ноэтике». «Противопоставления “эмпиризм и рационализм”, “интуиции и демонстрации”», как считает автор, «не совсем корректны» (с.48).

Раздел «Эссенциализм» состоит из трех глав «Аристотель об основаниях классификации», «Элементы систематизации в “Истории животных” Аристотеля» и «Аристотелевская критика дихотомии», в которой автор подвергает критике попытки некоторых историков философии считать, будто Аристотель «мимоходом разделяется с методом диэрезы», или диайресиса, дихотомии. Вопрос этот чрезвычайно важен, потому что касается определений. Автор полагает, что «*диайресис* – не силлогизм, т.е. посредством *диайресиса* нельзя умозаключать ни к сопутствующему, ни к своему, будь то определяющему или свойству. Но проблема определения остается, и *диайресис* как метод недоказывающего определения остается», тем более что «Аристотель показывает, что суть бытия (т.е. определение) вообще никак нельзя доказать; определения принимаются без доказательства» (с.114). Размышляя о «сократовском наведении (индукции)», Орлов полагает, что «определения должны быть универсальными (*кафолическими*)». Реально при определениях мы имеем дело с двумя отношениями, когда 1) суть бытия познается в сравнении сущности с другими сущностями, при котором «суть бытия своя», и когда 2) определение как логическое понятие имеет логический объем, и тогда логос сущности относительно объектов,

входящих в логический объем, универсален. Эти два отношения соответствуют, по мнению Орлова, понятиям интенционала и экстенционала (см. с.185).

Суть третьего раздела, в котором также сравниваются различные переводы (например, Ю.А.Шичалина и Д.Д.Мордухай-Болтовского), состоит в приведении доводов (2) в пользу частного доказательства и в пользу универсального доказательства (9). Аристотель, как считает Орлов, различает общее (койноническое) и универсальное (кафолическое). «Если общее *есть* как другое по роду или по виду, то универсальное *есть* на основании многих» (с.251).

В четвертом разделе речь идет о применении универсального знания. При этом Аристотель, как считает автор книги, различает деятельное знание, универсальное и обыденное (с. 267).

Книга действительно может быть адресована не только специалистам по античной философии и науке, но и логике.

Методология науки и дискурс-анализ / Отв. ред. А.П.Огурцов. М.: ИФ РАН. – 285 с.

Это последний сборник, полностью и неформально отобранный и отредактированный А.П.Огурцовым. Поэтому мы полностью приводим текст составленной им аннотации. В сборнике «исследуются концепции и формы дискурса в истории мысли. Прослеживается основная линия в дискурс-анализе – дивергенция в трактовке дискурса. Альтернативной тенденцией является поиск единых эпистемологических оснований дискурс-анализа – текст, идеология, коммуникация, синергия. Показана неадекватность сужения поля исследований, его ограничения гуманитарным знанием и приложением методов лингвистического анализа текстов. С привлечением отечественной и зарубежной литературы сопоставляются методы герменевтики и дискурс-анализа, рассматриваются жанровые особенности философии, место логики в философии, важность предметного содержания для исследований дискурса, ценностные ориентиры ряда речей в судах.

Для историков философии и науки, филологов и всех интересующихся методами анализа рассуждений».

В сборнике напечатаны статьи сотрудников группы «Дискурсивные практики», которой руководил А.П.Огурцов: А.А.Гусевой «Проблема внутренней формы и генезис идиомы: идиома как часть и как целое», С.С.Неретиной «Событие дискурса» и А.П.Огурцова «Дивергенция и конвергенция концепций дискурса – их эпистемологические основания (статья первая)». Это его последняя (вместе с «Поражением философии») прижизненная публикация.

Другие статьи в основном принадлежат сотрудникам сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук: Г.Б.Гутнеру («Герменевтический круг и рациональный дискурс»), С.С.Хоружему («Дискурсивные трансформации в построении новой эпистемы для гуманитарного знания»), К.А.Павлову-Пинусу («Топология и феноменология: сопоставление смыслообразов пространственности»), Ф.Н.Блюхеру и С.Л.Гурко («Интенциональный дискурс-анализ идеологии»). Три статьи принадлежат сотрудникам других секторов Института философии РАН (В.М.Розин. Место логики в философском дискурсе) или других научных институтов. О.А.Донских (Новосибирск) написал статью «Философия как жанр (начало)», Т.А.Шиян (РГГУ) – «К проблеме трансформаций философских и научных дискурсов: модель предметного замыкания».

С.С.Неретина